

**АРТЮР
РЕМБО**

ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-5
Р 37

Перевод с французского
Евгения Витковского, Романа Дубровкина,
Вадима Козового, Григория Кружкова,
Владимира Микушевича, Александра Ревича,
Ярослава Старцева, Юрия Стефанова, Михаила Яснова

Оформление обложки Вадима Пожидаева

© Е. В. Витковский (наследник),
перевод, 2022
© Р. М. Дубровкин, перевод, 2022
© Г. М. Кружков, перевод, 2022
© В. Б. Микушевич, перевод, 2022
© А. М. Ревич (наследник),
перевод, 2022

ISBN 978-5-389-16285-3

© Я. Ю. Старцев, перевод, 2022
© Ю. Н. Стефанов (наследники),
перевод, 2022
© М. Д. Яснов (наследники),
перевод, статья, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Агтикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

«ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРЯДУЩИХ ПАРУСОВ...»

Интерпретировать Артюра Рембо — дело почти безнадежное и единственно возможное, если мы хотим прочитать его по-русски. Начиная с переводов Бодлера — и Рембо один из первых в этом ряду — мы сталкиваемся с трудностью, существенно влияющей на понимание и «чувственное осознание» французской поэзии: способы интерпретации могут не совпадать — и, как правило, не совпадают — с читательским ожиданием.

Вплотную мы подходим к такому феномену при переводе поэзии сюрреалистов; Рембо — один из главных ее истоков и один из главных «текстов», обнажающих проблему интерпретации. В своем знаменитом перечне «кто в чем сюрреалист» автор «Первого манифеста сюрреализма» Андре Бретон уделяет Рембо самую «длинную» строчку: «Рембо — сюрреалист в жизненной практике и во многом ином». Это «многое иное» дорогого стоит. Один из ближайших сподвижников Бретона Мишель Лейрис однажды записал в дневнике: «Поэзия не поддается определению, поскольку она существует по-

всюду. Она существует повсюду, поскольку существует в нас».

Кажется, Рембо впервые явил это так разрушительно для себя — и так созидательно в перспективе. Он — юный, вздорный, почти школьник; его хочется приручить, пообломать, заставить поработать на себя. Ничего не получается. Мало того что Рембо сотворил форменное безобразие с французской просодией (и мы до сих пор только приблизительно представляем себе, что со всем этим делать по-русски), но и, по сути, в его стихах немало того, что традиционно считается безобразным: он богохульствует, издевается над всем и вся, особенно над обывателями буржуазного толка и под стать им особями женского пола; он презирает «высокие порывы»; он ненавидит и сам институт церкви, и его служителей; он готов пародировать чуть ли не всю предшествующую, а особенно современную ему поэзию. Он измучен отроческими комплексами, тиранией матери, идиотизмом провинции и пьянством богемы. Он рвется к саморазрушению, которое называет «ясновидением».

Французские слова «le voyant» (ясновидец) и «le voyou» (проходимец, шпана) подозрительно похожи. Это задевает. Еще Нора Галь в одном из первых серьезных откликов на зарубежные книги, посвященные Рембо, заметила, что в текстах большинства авторов поражает «крайне эмоциональное личное отношение к „проблеме Рембо“». Личными отношениями наполнена и вся русская — используя

расхожее французское словцо — «ремборама». Кажется, русские переводчики Рембо задались целью опровергнуть одну из главных заповедей патриарха русского поэтического перевода Михаила Лозинского, который призывал (и блестяще осуществлял это на практике) отрешиться в переводе от самого себя, от собственных навыков и склонностей, чтобы во всей возможной чистоте воспроизвести оригинал.

Куда там! С тех пор как появилось первое русское переложение Рембо, переводчики только тем и занимались, что пропускали его стихи сквозь себя, увязывали их со своими личными поэтическими воззрениями и тем самым стремились сделать их достоянием русской поэзии. Русская же поэзия то старалась вписать Рембо в символические условности Серебряного века, то превращала его не просто в бунтаря, каким он безусловно был, а чуть ли не в главного поэта Парижской коммуны.

От «Гласных» в переводе Е. Бекетовой (1894) до тех же «Гласных» в переводе Н. Гумилева (1920, опубликованы в 1977) Рембо успел стать общественным достоянием: он, как губка, впитывал частные пристрастия, обнажая приемы и методы каждого конкретного переводчика.

Это видно на примере В. Брюсова, который в ту пору, когда обратился к Рембо, переводил, по словам М. Л. Гаспарова, «не поэзию, а поэтику. Он выхватывал из переводимого произведения несколько необычных образов, словосочетаний, ритмических

ходов, воспроизводил их на русском языке с разительной точностью, а все остальное передавал приблизительно, заполняя контуры оригинала собственными вариациями в том же стиле». Брюсов прозорливо увидел в Рембо исток будущей поэзии, еще в 1898 г. назвав его «начатком всему», а чуть позднее — «первым футуристом».

Однако, несмотря на то что отдельные переводы Брюсова («Испуганные», «В „Зеленом кабаре“») впоследствии неоднократно переиздавались, погоды в «русском» Рембо (в отличие от «русского» Верлена) Брюсов не сделал. Не сделал ее и И. Эренбург, провозглашавший переводческую точность, но на практике постоянно разрушавший свои же теоретические построения. Эренбург перевел, в частности, «Искательниц вшей», вошедших в его антологию «Поэты Франции» (1914), перевел после Брюсова и после Анненского — и проиграл обоим. Е. Эткинд, посвятивший отдельную статью переводам Бенедикта Лившица и сравнивший переводы этого стихотворения Рембо, выполненные В. Брюсовым, И. Анненским, И. Эренбургом и Б. Лившицем, иронизировал по поводу перевода Эренбурга: «Этот перевод вообще не озаглавлен — И. Эренбург почему-то оставил французское название; видимо, он не решился написать по-русски слово „вошь“ — да и в тексте ни разу не произнес его».

Три стихотворения Рембо в переводе Иннокентия Анненского («Впечатление», «Богема», «Феи расчесанных голов») могли бы войти в антологию

русской поэзии XX в. на равных с оригинальными стихами поэта как образцы импрессионистического метода в поэтическом переводе. Близкий раннему Брюсову по крайней субъективности в отборе необходимых деталей и тем подлинника, Анненский выделял то характерное, что прежде всего порождало своеобразное ощущение, впечатление от «духа» оригинала; при этом переводчик нередко пренебрегал формальной или лексической точностью. И открыто это декларировал: «Лексическая точность часто дает переводу лишь обманчивую близость к подлиннику — перевод является сухим, вымученным, и за деталями теряется передача концепции пьесы. С другой стороны, увлечение музыкой грозит переводу фантастичностью. Соблюсти меру в субъективизме — вот задача для переводчика лирического стихотворения».

Впоследствии Вадим Козовой, ориентировавшийся в своих переводах новейшей французской поэзии именно на опыт Анненского, подчеркнул: «Гений Анненского прочел Рембо в чисто символистском ключе». Так же как и гений Федора Сологуба, который обратился к наиболее суггестивным стихам Рембо: Сологуб попытался перевести большую часть «Последних стихотворений» и все «Озарения». В свое время было опубликовано лишь незначительное количество этих работ (над «Последними стихотворениями» он работал в середине 1900-х, а отдельные тексты из «Озарений» опубликовал в 1915–1916 гг.), и те, что остались в архиве,

свидетельствуют в пользу новых методов и подходов, которые обдумывал Сологуб, хотя и не смог (или не захотел) ввести их непосредственно в литературный процесс:

Вдали от птиц, от стад, от буржуазок
На вереске пивал я на коленях.
Орешники бросали нежно тень,
И зелен был туман в прохладный день.

Что пил бы я на молодой Оазе,
Немые вязы, тучи и плетень?
Из горлянки ли пить, вдали от казы,
Пот вызывающий златоликер?..

(«Слеза»)

В. Е. Багно, опубликовавший и проанализировавший этот и другие переводы Федора Сологуба из Рембо, обращает внимание на их новаторский характер: «Сологуб прокладывал дорогу русскому авангардизму, экспериментам футуристов (не случайно „Озарения“ были опубликованы в „Стрельце“, издаваемом Бурлюком, переводившим Рембо), а в какой-то мере и обэриутов». Безусловно, Сологуб обогнал время, и когда в двадцатые годы при активном участии Абрама Эфроса и Валентина Парнаха стала складываться школа перевода поэзии французского модернизма, казалось бы, должна была наступить и эпоха «русского» Рембо.

Но этого не случилось. Артюре Рембо остался вне переводческих интересов русских современников и почитателей дадаистов и сюрреалистов. Может
10 быть, и потому, что к тому времени были уже из-

вестны блистательные переводы из Рембо, принадлежащие Бенедикту Лившицу.

Как известно, Лившиц перевел восемь стихотворений Рембо и несколько поэтических фрагментов из книги Ж.-М. Карре «Жизнь и приключения Жана-Артура Рембо» (1927). Работал Лившиц «поштучно»; его первый перевод из Рембо, «Роман» (1911), и последние, «На музыке» и «Офелия» (1936), разделяют четверть века. Переводы Лившица стали первым адекватным воплощением Рембо по-русски, о чем, кроме непосредственного читательского восприятия, может свидетельствовать и аналитическая литература, в частности статьи Е. Эткинда и В. Козового.

Если не брать в расчет стихотворение Давида Бурлюка «Каждый молод, молод, молод...», благодаря которому Артюр Рембо впервые обрел некое подобие славы в кругах футуристов, то в переводах Лившица он утвердился в истории русской поэзии как ее единокровник. Е. Эткинд, к авторитетному мнению которого мы сегодня неоднократно обращаемся, уже давно обобщил предварительные замечания об особенностях Лившица-переводчика: «...он находит решение там, где оно представляется невозможным; он сохраняет максимальную близость к оригиналу там, где кажется, что надо отойти на далекое расстояние; он сохраняет структуру произведения в целом и каждого элемента в отдельности там, где все говорит о необходимости коренной перестройки».

Лившицу удалось воссоздать амплитуду оригинала — от тончайшей, чуть ли не расползающейся при неосторожном дыхании лирики до безоглядной плотской грубости. Из их столкновения и возникает тот особый культ эстетики безобразного, от которого никуда не деться в истории поэзии прошлого столетия. Русский стих достаточно поднатерел во всем этом, и Лившиц показал, что опыт Рембо здесь тоже пришелся весьма кстати.

Значительной вехой в освоении Рембо стали 1929 и 1930 г.

В июне 1929 г. «Литературная газета» опубликовала «Пьяный корабль» в переводе Д. Бродского. Это был первый, опубликованный в Советской России, полный перевод стихотворения и, пожалуй, вообще первый перевод из Рембо, так мощно вводящий низовую поэтику «проклятости» в русский традиционный стих. Несмотря на уже опубликованные переводы Лившица (а вернее — продолжая их), «Пьяный корабль» в переложении Д. Бродского, как справедливо отмечает Е. Витковский, поражал — и до сих пор поражает — воображение «красотой и упругостью стиха», «неслыханной яркостью» и «пластикой, невозможной среди переводчиков Рембо в традиции символизма»:

И как детям вкуснее всего в их года
Говорит кислота созревающих яблок, —
В мой расшатанный трюм прососалась вода
И корму отделила от скреповиц дряблых.

С той поры я не чувствовал больше ветров —
Я всецело ушел, окунувшись назло им,
В композицию великолепнейших строф,
Отдающих озоном и звездным настоем.

Повторим вслед за Витковским: «Заслуга перевода Бродского поистине огромна: именно он инспирировал целый литературный стиль перевода, отголоски которого дожили до 80-х годов». Последствия не заставили себя ждать: уже через полгода «Вестник иностранной литературы» публикует сразу же ставшее знаменитым переложение «Парижской оргии» Э. Багрицкого и А. Штейнберга, в котором стилистические приемы и лексические новации, заявленные у Бродского, обрели чуть ли не вселенский масштаб:

О помойные глотки! Закишие рты!
Где вино? Вот вино! Прощельги, к добыче!
Победители! Настежь держать животы!
Ну, подставьте затылки с покорностью бычьей.
.....

Ты плясал ли когда-нибудь так, мой Париж?
Получал столько ран ножевых, мой Париж?
Ты валялся когда-нибудь так, мой Париж?
На парижских своих мостовых, мой Париж?

Последняя строфа к тому же поражает непонятно откуда взявшимся в русском переложении редифом, свойственным никак не французской, а в основном арабоязычной поэзии: сегодня это делает стихотворение удивительно злободневным — перевод

ясновидца тоже может быть в определенном смысле ясновидческим.

Тридцатые годы характерны обращением к Рембо новых и разных переводчиков — но, как правило, эти публикации носят единичный и зачастую случайный характер. Отдельные переводы Г. Петникова, А. Гатова, И. Поступальского, М. Усовой, В. Парнаха (так же как в послевоенные годы переводы А. Арго или В. Левика) расширяли репертуар, диапазон, умножали приемы, но не открывали «нового» Рембо. За пределами общего процесса оставались переводы, выполненные в эмиграции (как «Пьяный корабль» В. Набокова, появившийся в России почти через шесть десятилетий после первой публикации) или в свое время не опубликованные (один из таких переводов — замечательный «Зеленый кабачок» совсем молодого Эмиля Люмкиса, погибшего на войне, увидел свет спустя более чем полвека после написания — в антологии Е. Витковского «Строфы века — 2», в 1998 г.).

Нового Рембо — после гибели Бенедикта Лившица — сотворил и ввел в литературный обиход Павел Антокольский. Рембо Антокольского — наряду с двумя другими любимыми его поэтами и несомненными переводческими удачами, Гюго и Барбье, — занял почетное место на русских подмостках французской романтической сцены.

Антокольский переводил Рембо с конца 30-х гг., особенно преуспел в 50-е, и с тех пор, пожалуй, никому не удалось с такой внутренней достоверно-

стью передать то, что сам переводчик — в предисловии к первому поэтическому сборнику Артюра Рембо, вышедшему у нас в 1960 г., — назвал «яростным здоровьем» и «мощью жизненных импульсов». Здоровье — дело обманчивое, а вот мощи самых разных «импульсов» этим переводам не занимать:

Но сколько голых задниц, Май!
В зеленых пригородных чащах
Радушно жди и принимай
Поток входящих-исходящих.

От блеска сабель, киверов
И медных труб не ждешь идиллий.
Они в любой парижский ров
Горячей крови напрудили.

Мы разгулялись в первый раз,
И в наши темные труппы
Заря втыкает желтый глаз
Без интереса и без злобы...

(«Военная песня парижан»)

Антокольский педалировал то, что было сродни поэтике его оригинальных стихов, — исторический пафос, виртуозное соединение высокой и низкой лексики, открытую театральность, которая особым образом уживалась в Рембо с герметизмом, затемненностью смыслов. Последнее позднее отметил Г. Косиков (в предисловии к книге «Поэзия французского символизма»), подчеркнувший, что «темнота» текста у Рембо как раз и возникает за счет

драматической, «шоковой стыковки вещей, между которыми нарочно порваны любые связи»; это тот случай, когда поэт, как актер, требует, чтобы ему интуитивно доверились, но вовсе не пытались его понять, «ибо о Рембо нельзя даже сказать, что он „излагает“, „рассказывает“ свои видения — он их экстатически выкрикивает, подобно некоей пифии, непосредственно „являет“ их, словно в театре».

Путь к передаче, дешифровке «темного» Рембо только начинается при переводе его стихов, и то в основном «Последних стихотворений», и ведет за пределы собственно лирики, к «Озарениям» и «Поре в аду». На этот путь вышел один из наиболее оригинальных современных толкователей поэтики Рембо Вадим Козовой (1937–1999) — смерть застала его как раз во время этой работы.

Козовой, переводя Рембо, возвращался к Иннокентию Анненскому и Бенедикту Лившицу, через голову предыдущего поколения, принципиально игнорируя опыт других переводчиков и ту эстетику безобразного, которая была так свойственна «раннему» Рембо. В этом смысле Козовому была чужда не только работа П. Антокольского или В. Левика, но — тем более — М. Кудинова, выполнившего для «Литературных памятников» «ознакомительный» перевод полного корпуса произведений Рембо (1982). В стороне от его интересов остались и отдельные опыты последующих переводчиков — будь то уточнения А. Ревича, лексические новации Д. Самойлова, гротески В. Орла или медитации Г. Русакова...

В. Козовой — чуть ли не единственный из современных интерпретаторов французской поэзии, кто всю жизнь сознательно переводил только поэтов «новейшей эпохи» (отсчитывая ее от «проклятых», и прежде всего от Бодлера и Рембо), обращая внимание на самые знаковые и самые «темные» имена. Рембо Козового вписан в традицию его собственных переводов, от Лотреамона до Мишеля Деги; вышедшая уже посмертно антология французской поэзии В. Козового дает представление о широком контексте французской лирики в поле «переведенных» аллюзий и реминисценций. Здесь во главу угла ставится не пафос, не ерничанье, не издевка, не пародирование — как бы плодотворно они ни были обозначены у самого Рембо, — а интонация:

Игрушка водного бельма, поймать не в силах —
о, мертвый челн! о, рук обрубки! — я ни справа
цветок, ни слева; ни желтеющий слащаво,
ни синий, в пепельность влюбленный струй застылых.

А легким крылышком взметенный с ивы иней!
Тростник, чьи по ветру развеял вечер краски!
Ни с места челн; а цепь беспомощную вязкий
глотает омут: в той ли вековатъ трясине?

(«Память»)

«Тон, тональность, интонация, — пишет Борис Дубин в предисловии к антологии, — как раз эти-ми однокоренными словами Козовой чаще всего и обозначал для себя особенности поэтической речи как таковой, в частности — русской лирической

стихии и, как он считал, наиболее близких к ней (и близких лично ему в его поэтической работе) поисков Рембо».

Проблема анализа стихопрозы Рембо выходит за рамки настоящего издания. Задача скромнее: столкнуть французский оригинал с сегодняшними, современными переводами в надежде, что это столкновение высечет искру взаимопонимания между переводчиком и читателем, возможно, обратит последнего и к более ранним переводам и поможет ощутить стихи Артюра Рембо во всей той максимальной целостности, к которой подводят переводческие традиции прошлого столетия.

Михаил Яснов

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1869–1871)

СИРОТСКИЕ ПОДАРКИ

I

Нет света в комнате, но в сумраке теней
Спросонья шепоток детишек тем слышней;
С ребенком шепчется ребенок оробелый,
Едва колышется над ними полог белый;
Птиц в небе тяготит густеющая мгла,
Так что дрожат у них от холода крыла,
И Новый год идет в тиши настороженной,
Окутан мантией своею заснеженной;
Смеется, плачет он, поет, хоть сам продрог...

II

Под белым пологом чуть слышный говорок.
Детишки шепчутся, как шепчутся ночами,
Едва разбужены невнятными речами.
Они дрожат, едва заслышав резкий звук
Рассвета зимнего, столь явственный вокруг,
Что кажется, металл звенит в стеклянной
сфере...
В холодной комнате, как в ледяной пещере,

Рембо А.

Р 37 Пьяный корабль / Артюр Рембо ; пер. с фр. Е. Витковского, Р. Дубровкина, В. Козового и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 272 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-16285-3

Артюр Рембо — ярчайший представитель французской поэзии XIX века. Юный вздорный мечтатель, презирующий «высокие порывы» своих современников, измученный от- роческими комплексами, тиранией матери, идиотизмом провинции и пьянством богемы, создавал стихи удивитель- ной красоты, силы и страсти, причудливо сочетая прекрас- ное и низменное, ломая привычные традиции поэтической мысли.

В настоящий сборник вошел весь основной блок стихо- творений Рембо, включая прозаические циклы «Озарения» и «Пора в аду» в самых лучших на сегодняшний день пере- водах.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-5

Литературно-художественное издание

АРТЮР РЕМБО

ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Валентина Гончар, Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 12.08.2022. Формат издания 70 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 11,17. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-PTR-24727-03-R